

ющаяся словами «О век! Век коловратный! Коликие бывают в тебе приключения, коликие опасности и огорчения!»³⁵ Кроме того, Хомяков делает неприемлемое для Болотова, но характерное для романа обобщение, позволяющее предположить, что каждый достоин заботы Творца: «О жизнь! коль многим ты подвержена опасностям; но когда всевидящее око, хранящее все наши стези, не прерывает нить жизни нашей и охраняет от всех нас бедствий, то и самая опасность вредить нам нисколько не может».³⁶ Болотов создает свои мемуары, чтобы доказать обратное: только тот, кто добродетельным поведением и богопочитанием заслужил Божественную милость, имеет право на нравоучение, да и то не прямое, а на собственном примере

Таким образом, можно предположить, что активное неприятие Болотовым книги Хомякова было вызвано прежде всего ее компилятивным характером и жанровой невыдержанностью на разных уровнях. Эту особенность книги Хомякова неоднократно отмечали исследователи. Сиповский назвал мемуары Хомякова «романизированными записками о действительных приключениях автора»³⁷ в духе романов Прево. В. П. Царева отметила, что «в произведении присутствует стремление осознать события собственной жизни как романский сюжет».³⁸ В примечаниях к публикации «Мыслей о романах» Болотова А. Кучеров писал: «Похождения некоторого россиянина принадлежат к мемуарно-анекдотической прозе»³⁹ При нераспространенности термина «мемуарно-анекдотическая проза» использование его кажется вполне уместным, как и параллели, проводимые Кучеровым с такими текстами, как «Десятилетние странствования унтер-офицера Ефремова» (1786) или «Несчастные приключения Василия Баранщикова» (1793). В данном случае можно говорить о формировании определенной жанровой разновидности, стоящей на стыке романного и мемуарного типов повествования и вызванной к жизни стремлением с большим или меньшим основанием романизировать собственную биографию. Справедливо также и указание Кучерова на связь подобных текстов с прозой М. Д. Чулкова, изобиловавшей как авантюрами, так и бытовыми элементами и часто тяготевавшей к анекдоту. Влиянием Чулкова (или наличием у Чулкова и Хомякова общих источников) можно объяснить и лишь косвенно мотивированное включение в текст нескольких сказок, что также было отмечено Болотовым в ряду недостатков: «Но что всего смешнее и нескладнее: то неизвестно уж совсем, для чего вздумалось господину сочинителю сей книги посреди самой своей повести и поместить несколько сказочек, из коих одна другой глупее и нескладнее; и помещены тут, как в пословице говорится, ни к селу, ни к городу и ни малехонько некстати».⁴⁰

³⁵ Хомяков П. З. Указ соч. Ч. II. С. 148

³⁶ Жизнь и приключения. Т. I. С. 144

³⁷ Сиповский В. В. Указ соч. Т. I. Вып. 1. С. 671

³⁸ Царева В. П. Становление романа в русской литературе 60–90-х годов XVIII века. Л., 1978. Автореф. дисс. канд. филол. наук. С. 16

³⁹ Мысли и беспристрастные суждения. С. 219

⁴⁰ Там же. С. 197